

Н.Н. Макарова

**ТРУДОВЫЕ БУДНИ МАГНИТОСТРОЯ В УСЛОВИЯХ
МОБИЛИЗАЦИОННОЙ МОДЕЛИ НАЧАЛА 1930-Х ГГ.**

N.N. Makarova

**EVERYDAY WORK MAGNITOSTROY
UNDER THE CONDITIONS OF THE MOBILIZATION MODEL
OF THE EARLY 1930S**

Аннотация. Эпоха советской индустриализации ознаменовалась трансформацией повседневной жизни населения СССР в результате утверждения мобилизационной модели развития государства. Изменения коснулись всех категорий населения страны, но особенно сильно изменилась жизнь тех, кто оказался вовлечен в «будни великих строек». Одним из широкомасштабных начинаний советского руководства в годы первой пятилетки стало строительство металлургического завода и города Магнитогорск. Повседневная жизнь каждого человека связана в значительной мере с трудовой. Будни магнитогорцев в первой половине 1930-х гг. были перенасыщены трудом: рабочие смены сменялись организацией домашнего быта, который требовал немалых усилий, субботниками и, наконец, выполнением общественной нагрузки.

Ключевые слова: история повседневности, индустриализация, труд, Магнитогорск.

Исследования в сфере рабочей истории были объединены в ежегоднике «Социальная история» в рамках проекта «Мотивация труда в России, 1861–2000». Российские и зарубежные историки исследовали как теоретические вопросы мотивации труда, так и помещали системы мотивации труда в соответствующие исторические контексты. С.П. Постников и М.А. Фельдман в последней монографии раскрыли масштабные изменения в социальной структуре, общеобразовательных и квалификационных характеристиках, духовной среде рабочих в первые четыре десятилетия XX в. [Постников, 2009]. Изучением вопросов повседневной жизни и мотивации труда на советских предприятиях занимались С.В. Журавлев и М.Ю. Му-

хин [Журавлев, 2005]. Однако в современной историографии отсутствуют работы, касающиеся мотивации труда на новостройках.

Магнитогорск – город на Южном Урале, созданный в период форсированной индустриализации. Уникальность города связана не только с его рудной базой, географическим положением, уникальной архитектурой, но и трудовой доблестью. В июле 2020 г. В.В. Путин подписал Указ о присвоении Магнитогорску почетного звания «Город трудовой доблести». В данной статье предпринята попытка наметить контуры трудовой повседневности магнитогорцев как единой социальной общности и рассмотреть проблемы мотивации труда в годы первой и отчасти второй пятилеток в крупнейшем индустриальном центре Урала.

Повседневная жизнь каждого человека связана в значительной мере с трудовой деятельностью в разнообразных ее проявлениях, будь то непосредственно деятельность на работе или домашний труд. Будни магнитогорцев в первой половине 1930-х гг. были перенасыщены трудом. Мотивация труда есть уровень трудовой дисциплины и заинтересованность трудящихся в результатах своей деятельности. Отношение к труду традиционно проявляется через разнообразные формы, среди которых следует отметить прогулы, опоздания на работу, недоброкачественную работу, воровство и пьянство. Отношение к трудовому процессу определяется также общими условиями труда на производстве.

Исследование состояния санитарно-гигиенических условий и медицинского обслуживания рабочих позволяет сделать вывод о том, что практически все виды трудовой деятельности в Магнитогорске велись в неблагоприятных условиях для здоровья, а порой и жизни рабочих. Первый этап работ на Магнитострое был связан со строительством объектов будущего металлургического завода и объектов социальной инфраструктуры, следовательно работать приходилось в основном на улице. Несмотря на наличие специального закона о работе в условиях пониженной температуры, некоторые рабочие стремились стать ударниками и просто отказывались делать перерывы в работе: «Девушки-каменщицы обедали наверху, еду им поднимали в котелках. Мороз 40 градусов»¹. Часто работали на высоте без специального страховочного оборудования (его про-

¹ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2285. Оп. 1. Д. 104. Л. 56.

сто не было!). Второй этап – время непосредственной эксплуатации возведенных цехов – связан в основном с авариями на производстве. Последние чаще всего случались на домнах.

Охрана труда на производстве была поставлена не на должном уровне: помещения цехов не проветривались, плевательницы отсутствовали, влажная уборка проводилась редко, что пагубно влияло на здоровье рабочих². Подобные нарушения были очень распространены. Причем не только на металлургическом предприятии, но и на электростанции, городской насосной, в типографии, медучреждениях и пр. В связи с этим вопросы оздоровления труда были рассмотрены на совещании при управлении организации и оздоровления Народного комиссариата труда РСФСР в июне 1930 г. Главное решение совещания заключалось в требовании немедленной нормализации санитарных условий на строительстве в целом.

Ведущим звеном амбулаторной помощи являлись здравпункты в цехах заводов и на предприятиях. Основная цель их создания – оказание немедленной медицинской помощи травмированным рабочим: «В целях успешной борьбы с травматизмом и отравлениями на строительстве и эксплуатации Магнитостроя необходимо расширить сеть здравпунктов и вести учет травм...»³.

Официальная организация, контролирующая правила техники безопасности в Магнитогорске, была создана только в 1931 г. В заводууправлении на работу по контролю за соблюдением правил техники безопасности был направлен один рабочий-выдвиженец. Последний не разбирался в вопросах технической эксплуатации механизмов и безопасного строительства объектов городской и социальной инфраструктуры⁴. В связи с участившимися несчастными случаями на Магнитострое было принято решение об их регистрации в книгах учета на всех строительных объектах и о создании городского отдела труда. В последний было избрано 109 общественных инспекторов труда, в обязанности которых входили контроль за соблюдением техники безопасности и проведение бесед просветительского характера. Только 13 сентября 1934 г. было издано специальное постановление «О регистрации несчастных производствен-

² Магнитогорский печатник. 1932. 23 февр.

³ МКУ «Городской архив» г. Магнитогорска (МКУ ГА г. Магнитогорска). Ф. 121. Оп. 2. Д. 6. Л. 23.

⁴ МКУ ГА г. Магнитогорска. Ф. 10. Оп. 1. Д. 34. Л. 114.

ных случаев по Магнитогорскому району», в соответствии с которым в специальные бланки учета вносили не только число происшествий, но также причины случившегося и меры, принятые для устранения возможных аналогичных случаев в будущем⁵. В целях профилактики травматизма с весны 1934 г. Институт оздоровления труда проводил регулярные выставки по технике безопасности и охране труда⁶.

Правила техники безопасности трудящимися практически не соблюдались. Американский рабочий Дж. Скотт отметил то, с какой обыденностью каждый день на строительстве велись разговоры о гибели людей. Несмотря на существование правил и норм работы, рабочие отказывались соблюдать их или же просто не понимали необходимости их соблюдения. Дж. Скотт называет, пожалуй, самые объективные причины высокого травматизма в Магнитогорске: «Во-первых, у рабочих не было опыта, во-вторых, не хватало стройматериалов, чтобы делать по всем правилам леса и помостки, в-третьих, не хватало электрических лампочек, поэтому утром и вечером работали практически в темноте...» [Скотт, 1991. С. 54]. Жизнь в обстановке всеобщего хаоса и дефицита, по-видимому, оказала серьезное влияние на восприятие американцем обстановки в городе. Проанализировав причины высокого травматизма, Скотт говорит, что попытки строить качественные леса и помостки абсолютно бесполезны, потому что практически все стройматериалы, которые хоть какое-то время «залеживались», оказывались в печах, обогревающих комнаты рабочих [Скотт, 1991. С. 54]. В ходе работы комиссии по проверке правил техники безопасности на Магнитострое выявлено большое количество разнообразных нарушений: от неправильной закладки фундаментов в жилых домах до монтажа кауперов домен⁷. Следует отметить, что в воспоминаниях участников строительства возникают сюжеты о том, что часто строили, надеясь на везение. Данные статистики не дают полной картины о смертности от травм, полученных на строительстве, производстве или в

⁵ Магнитогорский рабочий. 1934. 2 окт.

⁶ Магнитогорский рабочий. 1934. 9 мая.

⁷ РГАЛИ. Ф. 1443. Оп. 1. Д. 199. Л. 1–6.

быту. Однако отдельные сведения, сохранившиеся в архиве города, позволяют судить о том, что их доля была существенной⁸.

Отдельного внимания заслуживают воспоминания магнитогорцев, посвященные особо ответственным моментам строительства, сопровождавшимся подчас новыми рекордами. Общей характерной чертой для всех воспоминаний является то, что рабочие практически самостоятельно осуществляли сложные манипуляции на строительных объектах, руководство, включая иностранных специалистов, отсутствовало⁹. Второй характерный момент – работа ранним утром, чтобы как можно меньше привлекать внимание посторонних и не рисковать их жизнями¹⁰. Наконец, большинство рекордов рабочие ставили без специальной подготовки, не советовались с инженерами, не делали расчетов, а просто отклонялись от правил техники безопасности и «пробовали». Так, сталевар восьмой доменной печи А.Н. Грязнов рассказывал: «По инструкции во время заливки чугуна газ надо закрывать, держать ноль кубометров. А тут взяли <...> просто на полном ходу печь стали заливать – и никаких, ничего не случилось... Инженеры к этому относились безразлично...»¹¹.

Вопросы трудовой дисциплины в Магнитогорске были наиболее острыми. Управление Магнитостроя и руководство металлургического завода считали ненормальным явлением систематические нарушения со стороны трудящихся¹². Среди нарушений трудовой дисциплины были опоздания, прогулы, отказы выполнять ту или иную работу, ссоры, пьянство, драки. Проблема прогулов среди сотрудников Управления строительством магнитогорского завода возникла уже в 1929 г. Работники Управления без уважительных причин не выходили на работу, регулярно опаздывали. В результате в целях подъема трудовой дисциплины был установлен строгий рабочий график. В Управлении Магнитостроя ввели систему бирок и регистрации времени прихода и ухода на работу каждого сотрудника¹³. Непосредственно на строительных участках подобную систему вне-

⁸ МКУ ГА г. Магнитогорска. Ф. 16. Оп. 1. Д. 13. Л. 27, 31, 35, 39, 44, 49, 52, 57, 74.

⁹ РГАЛИ. Ф. 1443. Оп. 1. Д. 199. Л. 2.

¹⁰ Там же. Л. 4.

¹¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-7952. Оп. 5. Д. 306. Л. 231.

¹² Борьба за металл. 1933. 15 янв.

¹³ МКУ ГА г. Магнитогорска. Ф. 99. Оп. 4 Д. 1. Л. 125.

дрить было крайне сложно. В 1930–1931 гг. невыход на работу по всему строительству составил в среднем 3 %, а на отдельных участках дошел до 12 %¹⁴. Например, на строительстве плотины практически каждый рабочий 2–3 дня не выходил на работу без уважительной причины¹⁵. Чаще всего прогуливали ночные смены¹⁶. Кроме того, рабочие могли просто бросить работу и пойти в бараки. Чаще всего такое случалось, если прораб покидал строительный участок¹⁷. Пики падения трудовой дисциплины приходились на летний и зимний периоды, когда стояли сильные морозы и когда крестьяне, занятые на строительстве, подобно крестьянам-отходникам XIX столетия, уходили в деревни на полевые работы¹⁸.

В структуре прогулов 65–70 % занимали прогулы по причине отсутствия обуви и одежды, кратковременной болезни без обращения к врачу, а также погодные условия¹⁹. Нарушение трудовой дисциплины было явлением распространенным не только на строительных работах, но и в административных учреждениях, а также в школах и больницах Магнитогорска [Макарова, 2008]. Трудовая дисциплина являлась, по мнению заведующего городским отделом здравоохранения Колчанова, одним из важнейших «факторов, обеспечивающих планомерный и нормальный ход работы». Однако нарушения трудовой дисциплины случались постоянно: врач мог самовольно покинуть дежурство, явиться на работу в пьяном виде²⁰. Преодолению массовых нарушений трудовой дисциплины способствовали выдача пайков исключительно за отработанные смены²¹ и лишение жилплощади²². Начиная с 1932 г. карточки можно было отovarить только при наличии специального штампа в заборной книжке, подтверждающего факт отсутствия прогулов.

Опоздания были также распространены в городе. Рабочие практически ежедневно задерживались к началу смены. Чаще всего эти

¹⁴ МКУ ГА г. Магнитогорска. Ф. 10. Оп. 1. Д. 9. Л. 71.

¹⁵ ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 5. Д. 230. Л. 11.

¹⁶ Магнитогорский комсомолец. 1931. 28 янв.

¹⁷ ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 5. Д. 360. Л. 9.

¹⁸ ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 5. Д. 173. Л. 24; Ф. Р-5515. Оп. 1. Д. 375. Л. 6.

¹⁹ ГАРФ. Ф. Р-5515. Оп. 1. Д. 375. Л. 6.

²⁰ Там же. Д. 2. Л. 92.

²¹ Борьба за металл. 1932. 23 дек.

²² РГАЛИ. Ф. 2285. Оп. 1. Д. 104. Л. 29.

опоздания объяснялись проблемами с перемещением на довольно значительные расстояния. Вплоть до августа 1930 г. в Магнитогорске отсутствовал общественный транспорт. В 1930 г. по заводской и городской строительным площадкам были проложены две железнодорожные ветки. По маршруту курсировали 8 поездов. Рабочих перевозили бесплатно, а время в пути составляло 15–20 минут, с остановками в конечных пунктах около часа. Но поезда ломались и отправка состава задерживалась на 2–3 часа: «И пешком никто назло не шел. Все ждали»²³.

Разнообразные конфликтные ситуации были распространенным явлением. Ссоры возникали преимущественно на бытовой и национальной почве. Несомненно, разнообразная культурно-историческая среда, образ жизни, ментальные установки и традиции осложняли взаимоотношения среди магнитогорцев и влекли за собой формирование конфликтных ситуаций. Особую группу причин, формирующих конфликты, составляли бытовые условия магнитогорцев. Более теплое, более чистое жилье или получение дополнительного пайка вызывали зависть, а порой и серьезные ссоры. Если учесть, что система иерархии в Магнитогорске получила очень широкое распространение в сфере снабжения, распределения жилищного фонда и здравоохранения, то конфликты были постоянным спутником жизни горожан.

Попытки регулировать потребление спиртных напитков в Магнитогорске оказались неудачными. При официальном запрете продавать спиртное в городе существовала проблема алкоголизма²⁴. По воспоминаниям Э. Казакевича, в город не ввозили водку, но привозили одеколон: «...приходит партия одеколону, все пьют, бараки воняли одеколоном»²⁵. Довольно часто рабочие получали посылки из дома, в которых традиционно находились алкогольные напитки. Крестьяне обычно рассматривали пьянство как единственное развлечение и удовольствие, как способ «расслабиться» после тяжелого физического труда. Кроме того, на территории города и в пригороде было распространено самогонварение²⁶. Довольно часто из-за употребления

²³ РГАЛИ. Ф. 2285. Оп. 1. Д. 104. Л. 29.

²⁴ Горняк. 1931. 13 апр.; 1931. 21 июня.

²⁵ РГАЛИ. Ф. 2285. Оп. 1. Д. 104. Л. 29; Казакевич Эм. Слушая время. М., 1990. С. 104.

²⁶ МКУ ГА г. Магнитогорска. Ф. 46. Оп. 1. Д. 8. Л. 46.

спиртного срывались важные производственные задания²⁷, но иногда спирт выступал своего рода лекарством. Вообще, судя по воспоминаниям рабочих Магнитостроя, собранным редакцией «Истории фабрик и заводов», многие горожане выходили на смену в нетрезвом виде. В состоянии алкогольного опьянения рабочие не чувствовали усталости и работали без отдыха по две-три смены.

Качество выполняемой работы во многом зависело от уровня профессионализма рабочих в Магнитогорске. На первых порах в город вербовали буквально всех желающих вне зависимости от их квалификации. В результате число чернорабочих оказалось в десятки раз больше необходимого количества, а вот квалифицированных специалистов было недостаточно. Таким образом, строительство нуждалось в грамотных рабочих, способных овладеть новой техникой, однако в Магнитогорске процент грамотных был крайне низким. Объяснялось это не только значительным числом крестьян, приехавших на Магнитострой, но и пестрым половозрастным и национальным составом Магнитогорска [Макарова, 2014]. Дополнительной сложностью решения задачи повышения уровня грамотности населения, а часто и ликвидации безграмотности, являлись сложные бытовые условия и материальные проблемы. Требовались учительские кадры и технические специалисты. Осенью 1931 г. в Магнитогорске числилось 273 инженера, что составляло всего 2 % от общего числа рабочих²⁸.

Большинство магнитогорцев приобретали специальность, повышали квалификацию или проходили курсы ликбеза впервые именно на Магнитострое. Изначально деятельность отдела народного образования была направлена на ликвидацию неграмотности и малограмотности среди прибывающих рабочих. В октябре 1930 г. горсовет объявил о начале культпохода, в ходе которого выявляли неграмотных и малограмотных и проводили с ними занятия. Но число неграмотных не только не сокращалось, но, напротив, возрастало. Объяснялось это значительной текучестью кадров, низким качеством обучения, оставались и неучтенные граждане. Ко второй половине 1930-х гг. в Магнитогорске функционировала сеть техникумов, училищ и институтов, однако проблема неквалифицированных кадров не была преодолена полностью.

²⁷ ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 5. Д. 360. Л. 10.

²⁸ ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 5. Д. 230. Л. 16.

Задача интенсификации труда решалась с помощью комплекса мер, среди которых видное место принадлежало системе снабжения. В условиях латентного голода и всеобщего дефицита товаров широкого потребления премирование за ударные темпы работы имело существенное воздействие на горожан. Кроме общепринятой в стране иерархии снабжения, в Магнитогорске возникли новые категории снабжаемых: рабочие-ударники и рабочие-неударники, служащие-ударники и служащие-неударники, ударники производственных цехов и ударники непромышленных цехов, ударники производства первоочередного значения и второстепенного. Жилье выступало не только средством удержания рабочего на строительстве, но и способом принуждения его к труду, способом «побуждения рабочего к нужному администрации образу поведения в рамках трудового коллектива» [Меерович, 2003. С. 80].

Таким образом можно говорить об определяющей роли труда в жизни горожан и подчиненности всего образа жизни его ритму. Основными же чертами, характеризующими трудовые будни магнитогорцев, являлись рестрикционизм и слабая трудовая дисциплина, невысокий средний уровень профессионализма и система привилегий, определявшие качество труда в городе.

Литература

Журавлев С.В. «Крепость социализма»: повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928–1938 гг. М.: РОССПЭН, 2004. 239 с.

Макарова Н.Н. «В котле индустриализации»: повседневная жизнь Магнитогорска (1929–1941). Магнитогорск: Магнитогорский дом печати, 2014. 432 с.

Макарова Н.Н. Из истории становления системы здравоохранения Магнитогорска (1929–1935) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. № 19. С. 70–77.

Меерович М.Г. Жилищная политика в СССР и ее реализация в архитектурном проектировании (1917–1941 гг.). Очерки истории. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2003. 217 с.

Постников С.П., Фельдман М.А. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. М.: РОССПЭН, 2009. 367 с.

Скотт Дж. За Уралом. Американский рабочий в русском городе стали. М.: Изд-во МГУ; Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. 298 с.